Социокультурный мир центральной и Восточной Европы в российской политике исторической памяти. Степан Янковский

Янковский Степан Владиславович

кандидат философских наук,

докторант Житомирского государственного университета (Украина)

Социокультурный мир центральной и Восточной Европы

в российской политике исторической памяти

This publication is an attempt to justify the view that the concept of nationalism in Eastern Europe in the context of a comprehensive integrated policy of historical memory can be used to oppose the national history of the peoples of Central and Eastern and Western traditions of the national struggle for human rights and national sovereignty.

В публикации предпринята попытка обосновать точку зрения, в соответствии с которой концепция восточноевропейского национализма интегрированная в контекст политики целостной исторической памяти может быть использована с целью противопоставления национальной истории народов Центральной и Восточной Европы западноевропейской традиции национальной борьбы за права человека и суверенитет наций.

Современные российские политики и государственные деятели обращаются к вопросам исторической памяти, исторической справедливости, исторической ответственности. Например, предостережение Президента Российской Федерации о преступной „перелицовке" истории во время открытия Мемориала Победы в честь воинов Красной армии в израильском городе Нетания 25 июня 2012 года. А также ответы российского президента на вопросы членов Совета Федерации 27 июня 2012 г. и др. Вероятно, что реакция высшего руководства страны вызвана тем, что история определяет социальный масштаб геополитических интересов российской государственности. Социокультурный мир восточной Европы традиционно включается в сферу российских интересов.

Дискуссионные вопросы в истории взаимоотношений восточноевропейских соседей российского государства обсуждаются с позиций политического патриотизма. Специфика его проявления в том, чтобы через средства массовой информации и образование сформировать унифицированное представление, единообразное мнение и однозначные походы. Также следует отметить, что политизация дискуссионных вопросов прошлого размывает гуманистический потенциал исторического познания, что проявляется в недооценке социокультурных аспектов. На первом плане оказываются холистические подходы, поскольку они позволяют если не игнорировать особенности и отличия ближайших соседей, то предавать им вторичное значение, определяемое ситуативными особенностями, а не историческими закономерностями. Примером может служить широкое использование в политических дискуссиях аргументов, которые содержат апелляции к социокультурной общности россиян, украинцев, белорусов, которых, порою, противопоставляют полякам, также следует отметить мифологизацию социокультурных особенностей чехов и малое внимание к истории словаков.

Вероятно, что политизация вопросов исторической памяти отражает особенности утверждения демократических принципов и ценностей в российском обществе. С одной стороны, ведется поиск милленаристской концепции российской историософии. Она позволила бы представить исторический опыт российской государственности как „дом народов России", что явилось бы антитезой известной метафоре „Россия – тюрьма народов". С другой стороны, в контексте развития гражданского общества происходит преодоление исторического опыта тоталитаризма, что должно означать модернизацию российского исторического сознания.

В историософских идеях вопросы национальной, этнической идентичности обобщены до уровня метафизических концептов „соборности", „православной империи", „туранского элемента русской культуры", „византийстве", „славянского единства", „славянской солидарности" и др. Порою исторический опыт российской государственности и сопредельных народов – представляется языком литературно-художественных метафор и риторических клише. Например, исторический опыт государственности народов центральной и восточной Европы обозначается словосочетанием „лоскутная монархия". Данная метафора восходит к политической полемике кануна Первой мировой войны, к данной метафоре неоднократно прибегали Гавриил Плеханов, Владимир Ленин (Ульянов), Лев Троцкий, Иосиф Сталин (Джугашвили). Впоследствии она стала элементом военно-исторического, историко-политического дискурсов, обозначая Австро-Венгрию.

Именно в контексте политической полемики российской социал-демократии „лоскутная монархия" начинает ассоциироваться с темой сепаратизма. Так, В. Ульянов (Ленин) публикует в газете Правда (№ 104 от 8 V 1913) статью Сепаратисты в России и Сепаратисты в Австрии, в которой выдвигает обвинение в политике сепаратизма представителей еврейской социал-демократии в России и чехо-словацких рабочих организаций в Австрии. Автор отстаивает тезис о том что, рабочее движение предполагает полное единство рабочих независимо от форм национального движения [1].

В национальной политике СССР тема сепаратизма обобщена в клише „буржуазного национализма", санкционированная советской властью, обосновывалась отождествлением национальных движений в СССР с антисоветской деятельностью, подрывающей основы государственного единства. Более того депортации 1928-1953 гг. либо умалчивались, либо определялись военно-политической, экономической целесообразностью. Именно в политическом контексте сформировались атрибутивные значения буржуазного национализма. Буржуазный национализм включает социально-опасные элементы, определяемые принадлежностью этнической, а не к социальной группе. Едва ли не основною темою научных дискуссий периода коммунистического строительства является роль буржуазных националистов в период советско-германской войны 1941-1945 годов. И еще сегодня, наследуя эпоху сталинизма, эта война именуется «Великой Отечественной войной». Национально-освободительное движение, именуемое в традициях политической полемики середины 20-го столетия националистическим движением. Его деятельность представляют как пособничество отдельных лиц, оказываемое оккупантам, участие в вооруженных формированиях, созданных оккупантами, предательские действия в отношении советских граждан, а в период после прихода советской армии подрывная, террористическая, антисоветская деятельность в бандитских формированиях, укрывательство шпионов и предателей.

Показательно, что в современная культурно-историческая пропаганда трансформировала клише „буржуазного национализма" в „коллаборационизм". В радикальных интерпретациях коллаборационизм рассматривается в качестве военного, экономического, политического сотрудничества с гитлеровской Германией, в котором принимали добровольное участие как отдельные лица, так и политические и общественные деятели разных стран. При этом акцент понимания коллаборационизма переносится на эмотивную составляющую этнической идентичности, то есть сотрудничество на почве „приятия / неприятия", „любви / ненависти" и т.д.

Тема диссидентского движения в республиках бывшего СССР, как правило, рассматриваемая в контексте внутренней политики Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева перекликается с принятыми в советской историко-политической риторике клише клеветнических измышлений и провокаций. Таким образом, имплицитно постулируется тезис об ограниченности любой национально-культурной идентичности в противоположность универсальным формам общности. Например, осознание своей принадлежности к некой метаисторической общности – „советскому народу".

Выдвинем предположение, что весь этот способ понимания прошлого является продолжением византийской интеллектуальной традиции. Она постулировала принадлежность к Византии на основе языка и права, а также общности исторических корней, восходящих к Римской империи, откуда и самоназвание византийцев ρομαίοζ, что означает „римлянин". Вероятно, что политика целостности исторической памяти, по существу, является продолжением этой многовековой интеллектуальной традиции.

Восприятие национальной идентичности как противоположности форм универсальной общности характеризует также и российскую историософию. Данная позиция представлена в учениях славянофилов, Константина Лентьева, евразийцев. Идеям национальной идентичности народов центральной и восточной Европы противопоставлялась идея панславизма. Политическая и общественная элита Российской империи рассматривали процесс возрождения славянской государственности в метаисторическом контексте, исторический опыт российской государственности представлялся альтернативой всеобщей истории. Выразителем подобного видения стал Николай Данилевский, концептуально обосновавший исключительность Россию во всемирно-историческом процессе, который фактически отождествил с историей Европы.

Сложившаяся форма российской государственности рассматривалась как исторический опыт

славянского единства и солидарности, который противоположен западноевропейскому национализму. Неприятие тех или иных проявлений восточноевропейского национализма высказывали представители самых различных течений общественно-политической мысли. Например, „польский вопрос", обострявшийся в самые различные периоды истории империи Романовых, играл роль мобилизующего и консолидирующего фактора в общественном мнении Российской империи.

Таким образом, политика целостности исторической памяти означает, что мы принимаем историософский тезис об универсальном характере российской государственности и, вероятно, об исключительной миссии славянских народов, по меньшей мере, о мессианском значении славянского единения.

Историографический аспект проблемы демонстрирует тот факт, что политика целостности исторической памяти означает принятие тезиса о тождественности российского общества и государственности. Этот тезис восходит еще к Повести временных лет, с ее центральным вопросом о происхождении земли Русской и государства Русского. В имперской историографии от Михаила Ломоносова, Николая Карамзина и до Сергея Соловьева, литературно-художественном обрамлении Александра Пушкина до Валентина Пикуля, в доктрине официальной народности графа Сергея Уварова – исторический опыт российской государственности мыслится в неразрывном единстве российской власти и русского народа. Это означает, что, начиная с некоего времени „Х-прошлого", государство и этнос являются взаимозаменяемыми понятиями. Также вполне вероятно, что движущей причиной политики целостности исторической памяти, как во времена империи Романовых, так и в настоящее время, является легитимация власти идеологическими, а не процессуально-правовыми средствами.

Иллюстрацией данной позиции является учреждение в Российской Федерации Комиссии при Президенте РФ, созданной с целью противодействия фальсификациям истории в ущерб интересам России (Указ Президента РФ № 545 от 15 V 2009). Ее целью было противостояние политики, проводимой в ущерб интересам Российской Федерации. Это предполагало модернизацию исторических взглядов на дискуссионные вопросы российской истории. А также противодействовать умалению международного престижа России, ослаблению ее влияния и роли в решении глобальных международных проблем. Особое значение имело формирование у молодежи понимания новейшей истории России. В радикальной формулировке деятельность данной комиссии следует представить как поиск единственно-верного ответа на противоречивые вопросы истории.

Комиссия по противодействию фальсификации прекратила свою роботу в соответствии с пунктом 11 Указа Президента РФ „Об утверждении Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, изменении и признании утратившим силу некоторых актов Президента Российской Федерации (с изменениями на 16 VII 2012)" (№ 183 от 14 II 20120. Одновременно пункт 8 данного Указа Президента РФ об управленческих кадрах ставит задачу перед организационным комитетом по проведению года российской истории противодействовать «попыткам фальсификации исторических фактов и событий, предпринимаемым в целях нанесения ущерба интересам России"[2]. Например, российская газета Известия статья Константина Пукемова Школьный курс истории избавят от искажений (9 V 2012). Автор приводит официальную точку зрения Министерства образования и науки РФ на проблемы фальсификации истории России, а мнения ученых Рамазана Даурова, Владимира Колотова, Ильи Усова представляют различные идеи борьбы с историческими фальсификациями в рамках школьной программы. Примерами исторических фальсификаций являются корректировка итогов Второй мировой войны, признание Голодомора, „разрушение" памятника советскому солдату в Эстонии, события в Катыни, и другие вопросы, на которые следует дать один единственный верный ответ [3].

Еще один важный элемент политики целостной исторической памяти – это проблема дезинформация, которую следует понимать как умаление международного престижа России, принижение ее роли в современном мирре. Дезинформация охватывает вопросы не только истории, но рассматривает их в футурологическом аспекте, прогнозируя влияние РФ на актуальные проблемы международных отношений. Это и вопросы российско-польских, российско-украинских отношений, и освещение целей российской политики на Кавказе, в Закавказье, Прибалтике, роль РФ в глобальном сообществе. Выскажем предположение, что в данном случае постановка и решение вопросов исторического опыта российской государственности подчинено геополитической стратегии, направленной на реализацию широкомасштабных целей, для которых проблемы исторической памяти имеют лишь вспомогательное значение. Оно определяется пропагандистскими задачами, которые используют исторический опыт для обоснования внешней политики внутри государства, а не для углубления взаимопонимания с народами, для которых исторический опыт российской государственности, по разным причинам, стал частью национальной истории.

Видимо, политику исторической памяти следует рассматривать в аспекте в контексте реализации таких важных геополитических проектов как „Русский мир", „Евразийский союз".

Очевидно, что отправная точка геополитического положения нынешнего российского государства – это его правопреемство с СССР. Между тем данное обстоятельство неоднозначно с точки зрения геополитической реальности. Возможно, из-того, что вопросы правопреемства РФ и СССР урегулированы номинально и декларативно. История компенсирует некоторые из особенностей геополитической реальности российской государственности.

В геополитической проекции нынешняя российская государственность конституирована в границах 1917-1918 гг. (от Брест-Литовского сепаратного соглашения с Германией и до 11 XI 1918). Одновременно границы 1917-1918 гг. являются следствием распада Российской империи. Поэтому действительной проблемой целостности исторической памяти является осознание факта разрыва в истории Российской государственности, произошедшего в 1917 г. Современные границы Российской Федерации являются результатом политики советского руководства, но они не представляют опыта российской государственности от правления Ивана IV Грозного и до Николая II. Опыта формирования имперской государственности. Данное положение подтверждается словами, сказанными действующим Президентом РФ на выступлении в Совете Федерации 27 июня 2012 г.: „Огромные территории, огромные интересы страны были отданы, положены непонятно ради каких интересов, ради партийных интересов только одной группы, которая хотела стабилизировать своё положение у власти. Но время прошло, сейчас нужно вернуться к этому, потому что люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты"[4].

Хорошо известно, что концепция восточноевропейского национализма зародилась в середине 19 в. в борьбе народов центральной и восточной Европ за самоопределение и возрождение национальной государственности. Основные этапы эволюции восточноевропейского национализма в 20 в. определяются мировыми войнами, „холодной войной" и периодом после распада Варшавского блока и СССР. Накануне Первой мировой войны он становится элементом оппортунизма и сепаратизма. В период между мировыми войнами и на протяжении Второй мировой войны он приобрел форму коллаборационизма. В период „холодной войны" восточноевропейский национализм рассматривают в качестве одного из средств разрешения конфликтов в условиях системного политического и идеологического противостояния. После „холодной войны" он выражает тенденции автономизмации, которые должны быть компенсированы формированием единого социально-культурного пространства.

В историческом опыте строительства российской государственности Восточная и центральная Европа занимала в опыте особое место. Это объясняется не только особенностью географического положения. Концепция III Рима, утвердившая самодержавные основы царской власти, предопределила конфронтацию православного Московского царства с католической Европой и исламскими государствами Каспийско-Черноморского региона, к тому же следует добавить и династические амбиции правящей элиты Речи Посполитой и давнее противостояние Московии и Крымского ханства.

К середине 17 в. противостояние переросло в конкуренцию и немалое значение в борьбе за региональное геополитическое лидерство сыграли военные конфликты с Речью Посполитой. Совмещение религиозно-конфессиональной идентичности и целей государственной политики, сопровождаемое модернизацией Московии, характеризует весь этот период, который завершился созданием в 1711 г. Российской империи. Концепция III Рима оформилась в масштабный геополитический проект православной империи от северных морей и заполярного круга на севере до Босфора и Дарданелл на юге. В период наивысшего рассвета Российская империя занимала территории на тех континентах, Европа, Азия, Северная Америка. Историческое ядро Российской империи охватывает географическое пространство от Белого до Черного морей. Конфессиональный фактор в процессе ее формирования являлся определяющим. Без него крайне затруднительно понять и представить процесс преобразования Московского царства в империю со столицей в Санкт-Петербурге.

Превращение церковной организации московского православия в государственный институт – Священный синод Российской империи – трансформировало религиозно-конфессиональные идеалы в официальную идеологию, одним из создателей которой являлся Феофан Прокопович. К концу 18 в. оформилось альтернативное видение имперского опыта российской государственности, которое предполагало заменить конфессиональную экспансию имперской модернизацией. К середине 19 в. Российская империя представлялась государством с особой исторической миссией: объединение православных под единым скипетром, консолидация славянского мира перед лицом внешних и внутренних угроз, покровительство и протекция неславянским народам. В соответствии с обозначенной исторической миссией врагами империи выступали все государства, включавшие славянские народы. Как известно это географическое соседи Российской империи: на юге – Османская империя, на западе владения Габсбургов. Период рассвета Российской империи совпал с началом борьбы славянских народов за возрождение национальной государственности.

Концепция восточноевропейского национализма сформировалась в условиях отсутствия государственности у славянских народов восточной и центральной Европы. В конечном итоге идеи

восточноевропейского национализма не находили отклика в правящей и общественной элите на различных этапах опыта российской государственности. Им противопоставлялись идеи панславизма, православной империи, рабочего единства, славянского единства и другие идеологические конструкты. В соответствии с нынешними геополитическими установками концепция восточноевропейского национализма используется как форма этнического национализма, которая противоположна традиционной западноевропейской традиции национальной борьбы за права человека и суверенитет наций.

[1] В.И. Ленин, Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии, Полное собрание сочинений, t. 23 Москва, 1973, s. 124.

[2]Указ Президента РФ «Об утверждении Комиссии при Президенте Российской Федерации по формированию и подготовке резерва управленческих кадров, изменении и признании утратившим силу некоторых актов Президента Российской Федерации (с изменениями на 16.07.2012)“ http://docs.kodeks.ru/document/902328854

[3] К. Пукемов, Школьный курс истории избавят от искажений „Известия“, 9, 2012, 5, 03:54 http://izvestia.ru/news/523816

[4]Президент России, Ответы на вопросы членов Совета Федерации http://news.kremlin.ru/transcripts/15781#sel=43:48,43:94